

Развитие любой области знаний, в частности лингвистики, предполагает постоянную переключку между теорией и эмпирикой: появление новых данных приводит к формулировке новых понятий и теоретических предположений, а они, в свою очередь, становятся инструментом при сборе новых эмпирических данных. Ситуация в лингвистике, однако, во многом осложняется тем, что разработкой теоретического аппарата и накоплением эмпирического материала зачастую занимаются разные специалисты. В результате, с одной стороны, известно множество теорий, по сути дела никогда не применявшихся при описании целостных языковых систем, а с другой, появляющиеся описания конкретных языков часто уже в момент публикации оказываются безнадежно устарелыми и не содержат информации, необходимой для решения теоретических и типологических задач.

Таким образом, одна из актуальнейших задач лингвистики состоит в том, чтобы сократить разрыв между теорией языка и описаниями конкретных грамматических систем. Именно на решение этой задачи в первую очередь нацелен рецензируемый труд Р. Диксона. Заглавие книги содержит слово «теория», однако теория эта целиком вырастает из опыта создания грамматических описаний конкретных языков и эксплицитно нацелена на применение при создании новых грамматик, прежде всего, для тех языков, которые ранее не описывались или описывались лишь фрагментарно. При этом фигура автора заведомо вселяет веру в успех мероприятия: за сорок с лишним лет лингвистической деятельности Диксон написал (работая в полевых условиях и в большинстве случаев практически «с чистого листа») грамматики целого ряда языков, значительно различающихся по генетической и ареальной принадлежности, и одновременно внес фундаментальный вклад в теоретическое осмысление едва ли не всех ключевых тем лингвистической типологии.

Следовательно, предлагаемая книга мыслится как уникальное по охвату обобщение всего этого колоссального опыта полевого лингвиста и лингвиста-теоретика в одном лице. Впрочем, здесь следует сразу заметить, что название книги («Базовая лингвистическая теория») все же несколько шире, чем ее реальное содержание: дело в том, что, по мнению автора, любой лингвист должен (именно это модальное значение многократно выража-

ется Диксоном)¹ заниматься описанием новых языков в полевых условиях, ориентируясь при этом на достижения лингвистической типологии; таким образом, многие области лингвистики, не связанные напрямую с полевыми исследованиями и типологией, не попадают в поле зрения автора, хотя, кажется, названными и смежными с ними областями лингвистика в целом все же не ограничивается.

Рецензируемая книга замыслена как трехтомник. Первые два тома вышли из печати, третий находится в стадии подготовки. Первый том («Methodology») посвящен широкому кругу методологических проблем, которые с неизбежностью встают перед всяким лингвистом, занимающимся описанием мало изученного языка в полевых условиях. Главы второго («Grammatical topics») и планирующегося третьего («Further grammatical topics») тома посвящены отдельным компонентам грамматики, ожидаемым параметрам типологического варьирования и способам интерпретации соответствующих явлений.

Каждому из томов предпосылается указание на то, что, хотя книга, естественно, в основном предназначена для чтения «от начала до конца», отдельные ее главы все же мыслятся как относительно независимые друг от друга. Этой особенностью определяется и довольно специфическая структура книги – это своего рода гипертекст, включающий большое количество перекрестных отсылок, иногда даже значительных повторений. Так, например, многие грамматические рассуждения появляются в практически неизменном виде дважды: сначала в первом томе, где они призваны проиллюстрировать способы решения той или иной методологической или аналитической проблемы, а затем во втором, где они вписываются в контекст общих представлений о конкретном грамматическом феномене.

Первый том состоит из девяти глав. В первой главе («Basics») излагаются взгляды автора на основные задачи лингвистики в целом и на те задачи, которые должен ставить перед собой лингвист, собирающийся создать описание ранее не изученного языка (как уже было сказано, эти два вопроса для автора практически идентичны). Здесь же дается общая характеристика понятия, вынесенного в заглавие книги, – «базовой лингвистической теории».

¹ Ср. «всякий, кто намеревается должным образом научиться лингвистике, должен выбрать язык, который (почти) не был описан» (с. 2, выделено мной. – С.С.).

Эту теорию автор противопоставляет жестко им критикуемым «формальным» теориям языка по ряду признаков.

Во-первых, эта теория мыслится как продолжение того представления о структуре языка, которое со времен античных и древнеиндийских грамматистов и до настоящего времени находило отражение в практике написания грамматик конкретных языков. Основой понятийного аппарата этой теории должны быть те базовые единицы, относительно реального наполнения которых среди лингвистического сообщества ожидается определенный консенсус («слово», «слог», «существительное», «предложение» и т.д.).

Во-вторых, утверждается, что «сторонники базовой лингвистической теории» воспринимают языкознание как естественнонаучную дисциплину.

В-третьих, базовая лингвистическая теория мыслится исключительно как теория, направленная на изучение целостных языковых систем; таким образом, для этой теории оказывается неприемлемым анализ какой-то подсистемы языка (фонологической, грамматической, лексической, а тем более какого-то компонента такой подсистемы) без учета ее роли в общей структуре языка. Отмечается, что этот важный теоретический принцип неизбежен для всякого лингвиста, пишущего грамматику нового языка, но не является очевидным для лингвистов, которых Диксон относит к «формальному» лагерю. Приводится несколько поучительных примеров того, что адекватная интерпретация того или иного грамматического компонента оказывается невозможной без учета фонологических закономерностей конкретного языка или его лексической организации и наоборот.

Следует, впрочем, отметить, что именно в первой главе заложена едва ли не основная сложность, ожидающая читателя при знакомстве с книгой. Как можно видеть, перечисленные идеологические установки носят, вообще говоря, весьма общий характер; думается, что они могут разделяться широкой частью лингвистического сообщества (хотя, безусловно, и не всеми лингвистами). Однако уже в этой главе, а особенно во многих последующих, «базовой лингвистической теории» приписывается большое количество частных постулатов, аналитических решений и предлагаемых терминологических выборов, вообще говоря, из исходной идеологической установки напрямую не вытекающих. Так, например, уже в первой главе вводится противопоставление грамматики и лексикона; это жесткое, по мнению автора, разделение последовательно проводится и во всех последующих частях: так,

любая морфема любого языка всегда интерпретируется автором либо как лексическая, либо как грамматическая, без каких-либо полутонов. Насколько такое жесткое разделение выводимо из кратко суммированных выше идеологических установок, остается не вполне понятным.

Естественно, таким образом, возникает вопрос о том, насколько широк охват того, что можно, по мнению автора, считать «базовой лингвистической теорией». Появляется ощущение некоторой ее «двойной идентичности»: с одной стороны, это некий широкий подход к языку, противопоставленный небольшому кругу других возможных платформ (прежде всего, порождающим грамматикам в разных их ипостасях), с другой же стороны, это все же и теория в более узком смысле слова, в какой-то мере оказывающаяся в ряду других предлагавшихся «авторских» теорий (таких, обозначения которых в английском языке обычно включают в качестве последнего слова «grammar»: construction grammar, cognitive grammar и т.д.), пусть и значительно отличающаяся от них.

Во второй главе («Principles to follow») предлагается набор важных правил, которым необходимо следовать при обучении лингвистике, при подготовительной работе по созданию грамматики и непосредственно при ее написании. В частности, здесь говорится о том, что работа над новым языком должна одновременно вестись по всем фронтам (а не последовательно, например, фонология, затем морфология, затем синтаксис), что порядок изложения фактов в тексте грамматики должен выстраиваться с учетом специфики языка (например, показывается, что информацию лучше подавать в таком порядке, который делает ее понимание максимально полным, что не всегда будет соответствовать традиционным представлениям об уровне организации языковой системы). Все это сопровождается практическими рекомендациями, при помощи которых исследователь сможет избежать того беспорядка в понимании фактов, которым как будто бы грозит одновременное развитие множества исследовательских линий.

В этой же главе содержатся весьма едкие замечания о «модных» тенденциях в лингвистике и призывы избегать таких соблазнов. Среди прочего, указывается на необходимость скрупулезности как при работе с языковыми данными, так и с лингвистической литературой; приводятся многочисленные примеры лингвистических мифов, возникших из-за неточного цитирования или цитирования «по цепочке» из не вполне надежных источников. Таким образом, показывается, что при работе с литературой необходимо «всегда обращаться к пер-

вичному источнику» всякой информации, не доверяясь вторичным изложениям.

В этой же главе содержится полезный список рекомендуемой литературы, включающий в себя 19 «надежных» грамматик различных языков, а также около 30 важнейших, по мнению автора, теоретических работ (из которых только 10 написаны за последние 30 лет).

Третья глава («Grammar overview»), по сути дела, является предвосхищением последующих двух томов трехтомника: здесь впервые вводятся самые важные грамматические понятия, необходимые при работе с языковым материалом: слово, клауза, части речи, группа (phrase), словоизменение и словообразование, предложение и т.д. Здесь же предварительно обсуждаются основные типы систем кодирования ядерных аргументов (аккузативная, эргативная и др.), типы зависимых клауз, глагольные категории, не связанные с пространственными значениями (в этом разделе обсуждаются категории, которые в англоязычной литературе принято обозначать как «зона T-A-M», т.е. времени, вида и модальности, однако Диксон избегает этот термин), именных категорий (род, число, определенность), актантных дериваций и т.д. Практически каждый раздел этой главы напрямую перекликается к какой-то из глав второго или планирующегося третьего тома.

В последующих трех главах вновь поднимаются собственно методологические вопросы. В четвертой главе («Analysis, argumentation, and explanation») обрисовывается путь, которым лингвист должен идти от данных к их интерпретации. Одна из основных идей этой главы состоит в том, что каждый язык следует описывать без априорных представлений о том, что должно быть обнаружено в его системе. Другими словами, связь между типологическими обобщениями и фактами конкретных языков может быть только индуктивной, никогда дедуктивной. Следствием из этого является, в частности, то, что теоретические понятия, играющие существенную роль в организации одного языка, могут оказаться совершенно неприменимыми или нерелевантными для другого (среди примеров обсуждается противопоставление словоизменения и словообразования).

В этой же главе разбираются случаи, когда одни и те же данные в принципе могут получать несколько различных интерпретаций, и предлагаются способы поведения лингвиста в таких ситуациях. Основная мысль сводится к тому, что, хотя в общем случае предпочтение должно отдаваться «более простой» интерпретации, в целом выбор интерпретации должен быть подчинен той задаче, которая ставится лингвистом; другими словами, утвержда-

ется, что далеко не всегда существует одно «верное» решение, а все остальные являются «неверными». Так, на примере двух близкородственных аравакских языков показано, что при установлении в них границ между частями речи возможны разные подходы, при этом один из подходов предпочтителен при синхронном описании отдельной системы, а другой даст лучшие результаты при сопоставлении языков друг с другом.

В этой же главе говорится о возможных типах объяснения в лингвистике, при этом внутрисистемные объяснения противопоставляются различным «внешним» объяснениям устройства языковой структуры (например, связанным с процессами порождения речи, историческим происхождением, контактными влияниями). Отмечается, что каждое из этих объяснений в принципе не исключает других.

Здесь, впрочем, можно заметить, что в аналитических ситуациях, подобных тем, которые разбираются в четвертой главе, сам Диксон в большинстве случаев все же отчетливо отдает предпочтение ровно одной интерпретации, отмечая все альтернативные варианты и, главное, отказываясь от мысли о том, что та или иная единица может сочетать в себе признаки нескольких различных структур (и именно этим быть интересной для теории грамматики). Так, например, в Главе 3 (то же полторастраничное рассуждение дословно повторяется в 18-й главе второго тома) разбирается структура следующих двух английских предложений:

(1) [*John's playing the national anthem*] pleased Mary.

(2) [*John's playing of the national anthem*] pleased Mary.

После контрастивного анализа этих двух структур по ряду, вообще говоря, обсуждавшихся в литературе параметров (возможность модификации наречием или прилагательным, способ выражения отрицания и т. д.) Диксон приходит к выводу, что в первом случае в квадратные скобки заключена особого рода клауза, а во втором – именная группа (следствием такого решения является и то, что показателям *'s* и *ing* приходится приписать абсолютно различные статусы для двух примеров). Думается, что в подобных ситуациях признание возможной многоликости грамматических структур, постулируемое применительно к другим примерам в четвертой главе, могло бы быть полезным. Действительно, в работах по типологии номинализаций [о которых говорят обычно применительно к примерам типа (1)–(2), хотя сам Диксон понимает этот термин несколько уже] внимание часто как раз и заостряется на том, что номинализации определенным образом сочетают глагольные и именные свойства

(ср. [Koptjevskaja-Tamm 1993]); здесь же возможность такого сочетания даже не упоминается.

Пятая глава («Terminology») на новом витке возвращается к вопросу (частично затрагивавшемуся в третьей главе) об использовании терминов в лингвистических работах. Здесь еще раз последовательно рассматриваются некоторые узловые проблемы языковой структуры (грамматика и лексикон, аффиксы, клитики и слова, морфологический тип языка, ядерные аргументы, составляющие, вершины и зависимые и т.д.) и подчеркивается важность осознанного, мотивированного и единообразного использования терминов при обсуждении различных грамматических явлений. Особое внимание уделяется известной проблеме, заключающейся в том, что в использовании лингвистической терминологии, особенно понятий, не ассоциирующихся с конкретной теорией (именно такими преимущественно и оперирует «базовая лингвистическая теория»), наблюдается значительный разноречивый. Таким образом, единица, описываемая, например, как «клитика» в грамматике языка X, может не иметь никаких общих свойств с «клитикой», постулируемой автором грамматики языка Y, из-за различия в используемых (эксплицитно или имплицитно) критериях. Приводятся и многочисленные случаи терминов, которые вообще не имеют устоявшегося значения и используются в разных региональных традициях в значениях, друг с другом никак не связанных («четвертое лицо»). Таким образом, убедительно показывается, что для всякого лингвистического исследования необходимо единообразное использование терминологии и введение ее на внятных и непротиворечивых основаниях. Стоит, впрочем, заметить, что еще в предшествующей главе Диксон пишет: «следует всегда помнить, что терминология это всегда терминология, т. е. просто имена (names)» (с. 204). В частности, рассматриваются случаи, когда тот или иной термин, вообще говоря, является неудачным, однако признается, что им следует пользоваться, так как он является достаточно устоявшимся и минусы попыток его замены будут превосходить возможные плюсы (это говорится, например, о термине «антипассив»).

Однако и здесь приходится заметить, что сдержанное отношение к выбору терминов, согласно которому термин – это в конечном счете всегда несколько условный инструмент описания, а не готовое объяснение, проводится в самой рецензируемой книге далеко не всегда. Напротив, книга буквально испещрена указаниями на то, что тот или иной термин часто используется в литературе «неправильно» и/или что от того или иного термина при рабо-

те над грамматикой лучше отказаться, а также призывами к использованию терминов в таких значениях, которые едва ли можно назвать традиционными. Так, например, в книге многократно критикуется использование термина «предложение» в значении «клауза» (или в значении, близком к русскому «простому предложению»); термина «предикат» в «логическом смысле» (в частности, предлагается отказаться от термина «именной предикат» – предлагается считать, что предикатом в связочных предложениях является только глагольная связка); термина «морфосинтаксис» в значении морфология и синтаксис; «местоимение» в широком значении (предлагается зарезервировать его для личных местоимений) и т.д. Помимо этого, в разных местах настойчиво предлагается полностью отказаться от таких терминов, как «полисинтетический», «управление», «медиальный залог», «указательное местоимение» и т.д.

В ряде случаев Диксон с той или иной степенью готовности признает, что некоторое «неправильное» использование термина устоялось в лингвистике. В таких случаях педантично почти при каждом упоминании сначала используется «правильный» термин, а затем в скобках приводится прижившееся обозначение, например: «порядок составляющих (иногда неправильно называемый ‘порядком слов’))» (выделено мной. – С.С.); привычные «предлоги» и «послелogi» многократно предлагается обозначать как «падежные слова» или «падежные клитики» и т.д.

Далее во многих случаях термины вводятся аксиоматически без какого бы то ни было обсуждения стоящей за ними (и часто хорошо изученной) теоретической и типологической проблематики; например, подлежащее определяется как «объединение S и A», т.е. центрального ядерного актанта непереходной клаузы и агенсоподобного ядерного актанта переходной клаузы (с. 229).

Наконец, в довольно многочисленных случаях термины вводятся в таких значениях, которые встречаются в типологической литературе весьма нечасто, однако при этом делается утверждение о том, что это устоявшееся употребление термина; так, например, предлагается зарезервировать термин «mood» за категорией, обслуживающей противопоставление повествовательных, вопросительных и повелительных предложений, а термин «modality» – за категорией, связанной с различными оттенками ирреальности. Под глагольной группой («verb phrase») предлагается понимать синтаксическую единицу, включающую глагол и, потенциально, слова, выражающие грамматические значения, ассоциирующиеся с глаголом

(времени, долженствования, возможности и т.д.), но не какие-либо аргументы глагола.

Наконец, не вполне типично и предлагаемое Диксоном употребление термина «вершина» («head»); в пятой главе перечисляются некоторые критерии вершинности (способность функционировать самостоятельно, без зависимо-го, в качестве составляющей; способность вызывать согласование; способность определять общие синтаксические свойства всей составляющей) (с. 229). Другие довольно многочисленны критерии, часто обсуждаемые в обширной литературе по синтаксическим зависимостям (см. хотя бы [Zwicky 1985; Corbett et al. 1993]), даже не упоминаются. Подводя итог обсуждению этого термина, Диксон пишет: «...принятое употребление термина «вершина» – это применение его к группам. В последнее время вошло в моду иное употребление, согласно которому предикат стали называть вершиной клаузы. Ни один из названных выше критериев вершинности в составе группы здесь не применим» (с. 230, выделено мной. – С.С.). Понятно, что при таком подходе «вершины» не обнаруживаются не только в клаузах, но и в том, что в других работах часто называется «предложными группами» (от этого термина, естественно, Диксон также многократно призывает отказаться, как и от терминов «вершинное и зависимостное маркирование»).

Итак, в целом складывается впечатление, что в вопросах терминологии автор «базовой лингвистической теории» выступает прежде всего в ипостаси крупного лингвиста-теоретика, имеющего свое, часто далеко не тривиальное мнение по большинству грамматических вопросов. Стремление к следованию «традиционному» употреблению терминов оказывается в тени множества собственных авторских теоретических представлений. Разумеется, проблема в целом на данный момент для лингвистики неразрешима принципиально хотя бы потому, что в каждой области грамматики обычно сосуществует несколько «традиций», обычно значительно различающихся по конвенциям терминопотребления. Однако потенциальный читатель рецензируемой книги должен понимать, что в ней в действительности представлена не нейтральная «традиционная» система терминов (и стоящих за ними понятий), а весьма своеобразная авторская концепция грамматики, отражающаяся, в частности, и в терминологическом выборе. Таким образом, призывы к осторожности при ориентации на термины в работах других лингвистов, содержащиеся в пятой главе, в полной мере должны относиться и к чтению самой книги Диксона.

Шестая глава («Doing typology») в какой-то мере продолжает темы, затрагивае-

мые в предшествующей главе, однако здесь речь идет о необходимости единообразия не на уровне терминопотребления применительно к отдельно взятому языку, а на уровне межъязыкового сравнения. Показывается, что для такого сравнения необходимо приведение сравниваемых языков к единой понятийной системе, и даются некоторые примеры того, как невыполнение этого требования приводило к неудачным и искаженным типологическим результатам. Далее на примерах из области фонологической, грамматической и лексической типологии показывается, что осмысленная типологическая работа предполагает внимание к самым разным компонентам грамматических систем сопоставляемых языков, а сравнение изолированных единиц, структур и даже подсистем имеет нежелательные последствия.

Здесь же кратко рассматривается вопрос о создании типологических выборок. Основной тезис этого раздела сводится к тому, что при работе с выборками нельзя жертвовать качеством в угоду количеству. В частности, подвергаются критике многие работы, опирающиеся на выборки, в которых представлены языки, для которых, по мнению автора, не были привлечены (или даже не могли быть привлечены по причине отсутствия) надежные источники; к числу таких жестко критикуемых работ относятся, в частности, [Bybee et al. 1994; Haspelmath et al. 2005]. Этим работам противопоставляются исследования, в которых, по мнению автора, работа по созданию выборки велась с должной тщательностью [Dixon 1994; Aikhenvald 2004].

Небольшие по объему седьмая («Phonology») и восьмая («Lexicon») главы носят отчасти вспомогательный характер и содержат основные принципы, которых следует придерживаться автору грамматики при описании фонологической системы и лексикона изучаемого языка соответственно. Седьмая глава носит более практический характер – здесь очень кратко описываются основные возможные системы организации фонем, слогов, просодических противопоставлений, системы ударения и т.д., отмечается, что полное описание языка должно содержать не только инвентарь фонологических единиц, но и правила их сочетаемости, закономерности нейтрализаций противопоставлений и т.п. Восьмая глава больше похожа на другие главы первого тома и в целом носит методологический характер – здесь не столько очерчиваются возможные системы организации лексических противопоставлений, сколько закладываются общие принципы работы с лексиконом. Диксон призывает обращать внимание на детали лексической семантики и учитывать культурную специфику того сообщества, в котором ведется работа (в связи

с этим критикуются лексико-статистические исследования с использованием списков Сводеша). В частности, говорится о том, что работа по созданию грамматики и словаря должна вестись одновременно, при этом эти продукты деятельности лингвиста должны создаваться в рамках единой понятийной системы и содержать взаимные отсылки (отмечается при этом, что существующая практика создания словарей значительно отстает от уровня грамматических описаний, что мешает планомерному развитию лингвистики как науки).

Последняя, девятая, глава первого тома («Field linguistics») содержит основанные на собственном огромном опыте работы автора в полевых условиях рекомендации, касающиеся целей, этических принципов и методов полевой работы. Высказывается идущая вразрез с «мейнстримом» современной полевой лингвистики идея о том, что мотивацией для описания языка должно быть стремление к пониманию устройства лингвистики и интеллектуальная радость от прикосновения к новому неопisanному материалу, в то время как желание задокументировать исчезающий язык или способствовать его сохранению должно играть лишь вторичную роль. При этом, впрочем, большое внимание уделено этическим аспектам работы в полевых условиях и тем обязательствам перед языковым сообществом, которые лингвист должен быть готовым взять на себя, решаясь на долгую полевую работу (естественно, написание грамматики без долгого погружения в языковую среду, по мнению автора, невозможно). В этой же главе даются ценные рекомендации по технической организации работы – как, где и когда следует собирать, записывать и разбирать языковой материал (все это рекомендуется делать непосредственно в полевых условиях), а какие компоненты работы могут быть отложены до рабочей обстановки в городе.

Наконец, здесь разбирается вопрос об оптимальном соотношении анализа естественных текстов и работы методом прямого анкетирования при помощи языка-посредника («элицитации»). Диксон настаивает на том, что сбор и внимательный анализ текстов должен быть основой любого планируемого грамматического описания, при этом с самого начала полевой работы. Анкетированию отводится лишь вспомогательная роль, преимущественно на поздних (!) этапах работы.

Как уже было сказано, главы второго (и планируемого третьего) тома рецензируемой книги организованы по принципу компонентов грамматической системы. Насколько можно судить, здесь в гораздо большей степени, чем в первом томе, автор опирается на свои пред-

шествующие работы разных лет, посвященные различным аспектам грамматической структуры. Такая ситуация в значительной мере затрудняет задачу рецензента – большинство глав второго (и, вероятно, в будущем и третьего) тома книги являются конденсированным изложением авторских представлений по каждой из затрагиваемых тем. В связи с этим изложение содержательной канвы второго тома будет поневоле носить эскизный характер, а там, где это возможно, будут даваться отсылки на те теоретические работы Диксона, которые легли в том или ином виде в основу отдельных глав.

Десятая глава («Grammatical word and phonological word») посвящена критериям выделения слова. Основная ее идея сводится к тому, что слово участвует одновременно в двух иерархиях – «фонологической» и «грамматической». Соответственно критерии выделения фонологического слова и грамматического слова принципиально независимы друг от друга. В большинстве языков (и в большинстве случаев в языках «оставшихся в меньшинстве») эти две группы критериев дают одни и те же результаты, но возможны и расхождения между результатами применения критериев двух типов (ср. клитики, являющиеся грамматическими, но не фонологическими словами, с одной стороны, и многие случаи словосложения и редупликации, которые могут образовывать одно грамматическое слово, включающее два фонологических, с другой). Более подробное изложение проблематики содержится в [Dixon, Aikhenvald 2002].

Одиннадцатая глава («Distinguishing noun and verb») содержит обсуждение вопроса о том, является ли универсальным противопоставление существительных и глаголов. Автор настаивает на утвердительном ответе на этот вопрос. В этой главе содержится обсуждение некоторых предлагавшихся в литературе контрпримеров и показывается, что во всех этих языках противопоставление существительных и глаголов менее ярко выражено, чем в привычных европейских языках, однако является, тем не менее, грамматически релевантным.

В следующей, двенадцатой, главе («The adjective class») ставится аналогичный вопрос об универсальности класса прилагательного, при этом снова утверждается, что соответствующая часть речи может быть выделена для всех языков, для которых этот вопрос был рассмотрен достаточно детально. При этом особо подчеркивается, что вывод об универсальности класса прилагательного делается не на основе априорных представлений, а на основе детального анализа фактов конкретных спорных

в этом отношении языков. Демонстрируется, что классы прилагательного в разных языках могут значительно различаться по размеру – от закрытой группы из всего лишь нескольких лексем до полноценной и продуктивной части речи, как в большинстве европейских языков. В связи с известной идеей о существовании прилагательных, похожих на существительные («noun»), и прилагательных, похожих на глагол («verb»), высказывается предположение, что первые более характерны для языков с зависимым маркированием, а вторые – для языков с вершинным маркированием (хотя сами эти термины и избегаются, см. выше). Более подробное обсуждение проблематики прилагательного содержится в [Dixon 1977; 2004].

Лейтмотивом тринадцатой главы («Transitivity») является идея о том, что «каждая клауза имеет определенное значение признака переходности / непереходности: существуют переходная, непереходная, а также в ряде случаев расширенная переходная и в редких языках расширенная непереходная (схемы)» (с. 152). В этой главе рассматриваются различные семантические параметры, связанные с синтаксической (не)переходностью, способы кодирования ядерных актантов в различных языках (аккузативные, эргативные, расщепленные). Соответствующие понятия предлагается расширить на типы установления кореферентных отношений между аргументами клауз (но, в отличие от многих других работ, не на другие явления, такие, как образование императивов, рефлексивов, образование супплетивных форм глагола в зависимости от числа одного из ядерных аргументов и т.д.). Также здесь рассматривается вопрос о неканоническом маркировании ядерных актантов переходных и непереходных клауз. Эта глава опирается на ряд предшествующих публикаций [Dixon 1989; 1994; Aikhenvald et al. 2001].

Четырнадцатая глава («Copula clauses and verbless clauses») посвящена семантике тех отношений, которые выражаются в различных языках конструкциями со связкой и/или безглагольными клаузами, а также синтаксической организации этих клауз. На материале многих языков показывается, что подлежащее связочной клаузы обычно похоже по своим свойствам на подлежащее непереходной клаузы (S). В то же время тот участник связочных клауз, который в терминологии Диксона называется «дополнением связки» («copula complement», в русской терминологии этому понятию соответствовало бы понятие «именной части составного именного сказуемого») может обладать признаками, не характерными для других ядерных аргументов. В этой главе развиваются идеи, высказанные в [Dixon 2002b].

В пятнадцатой главе («Pronouns and demonstratives») обрисовывается типология личных местоимений и «демонстративов» («указательных местоимений» в более привычной терминологии). Здесь подробно рассматривается набор возможных противопоставлений в системе личных местоимений (категории лица – особое внимание уделяется его неоднородности – инклюзивности / эксклюзивности, числа, рода). Отмечается, что в самых разных языках единица, обозначающая множество из говорящего и адресата ('я' + 'ты'), может обладать особым грамматическим статусом, на основе чего далее строятся сложные системы личных местоимений, часто демонстрирующие нейтрализации ряда противопоставлений в некоторых фрагментах системы. Далее здесь последовательно рассматривается противопоставление свободных и связанных местоимений (к последним относятся единицы, часто описываемые как согласовательные показатели глагола) и их грамматические различия. Также в этой главе намечаются пути изучения контрастов в системе демонстративов (противопоставляются именные демонстративы типа 'этот' и 'тот', наречные типа 'здесь' и 'там', глагольные – лексемы со значением 'делать так'). Эта глава продолжает исследовательские линии, заложенные в [Dixon 2002a: 243–401; 2003].

Шестнадцатая глава («Possession») посвящена конструкциям, выражающим отношения принадлежности. В первой ее части рассматриваются именные конструкции и вводятся основные параметры типологического и внутриязыкового варьирования в этой области; показано, что эти параметры могут быть связаны со свойствами обладателя, обладаемого и отношениями между ними. Большое внимание уделяется противопоставлениям отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, при этом показано, что, во-первых, существуют системы, в которых представлены более чем двухчастные противопоставления, связанные с этими признаками, а во-вторых, что двухчастные системы проводят различия между тем, что принято называть неотчуждаемой и отчуждаемой принадлежностью, далеко не единообразно. Во второй части главы кратко характеризуются предикативные структуры, выражающие посессивные отношения (структуры типа *Джон имеет машину, у Джона есть машина, машина принадлежит Джону* и т.д.).

В семнадцатой главе («Relative clause constructions») намечены некоторые противопоставления, которые нужно иметь в виду при изучении относительных клауз. Типология относительных конструкций выстраивается, прежде всего, с учетом того, где и каким об-

разом в таких структурах выражается общий аргумент главной и ограничивающей клауз (в главной клаузе, в зависимой, в обеих, ни в одной); другими параметрами типологизации относительных конструкций становятся синтаксическая позиция общего участника в каждой из двух клауз, а также свойства маркера релятивизации (если он вообще имеется; это может быть относительное местоимение, маркер на глаголе в зависимой клаузе, просодическая характеристика и т. д.). Далее в этой же главе рассматриваются некоторые конструкции, которые обладают частью свойств канонических относительных клауз, но не полным их набором. В целом это одна из немногих глав книги, в которых не слишком сильно ощущается индивидуальный вклад автора в изучение проблематики; впрочем, следует заметить, что большой интерес представляет обсуждение критериев (семантических и дискурсивных), позволяющих выделить как особую конструкцию относительные клаузы для тех языков, где потенциальные «кандидаты» на эту роль не обладают специальными маркерами, и соответствующие биклаузальные структуры, на первый взгляд, неотличимы от обычного паратаксиста.

Название последней, восемнадцатой, главы второго тома («Complement clauses and complementation strategies») сразу же отражает взгляд «базовой лингвистической теории» на один из наиболее интенсивно изучаемых в типологии класс структур; при этом это название с большим трудом поддается переводу на русский язык. Речь идет о конструкциях, при помощи которых действие или состояние, выраженное одним глаголом, соотносится с аргументной позицией в семантической структуре другого (матричного) глагола, как в русских структурах типа *Он пообещал прийти; Он пообещал, что придет*. В англоязычной традиции все такие структуры обычно объединяются в единое понятие «complementation», прежде всего, на семантических, функциональных, основаниях. Однако Диксон здесь проводит дальнейшее противопоставление по формальному признаку. Он показывает, что, хотя значение подобных структур можно в принципе передать на любом языке, особые структуры, которые следовало бы трактовать как «Complement clauses» (= «клаузы-дополнения»), представлены далеко не везде; во многих языках их функцию берут на себя иные структуры: сериальные конструкции, относительные конструкции, целевые зависимые клаузы, простое соположение клауз и т. д. Именно для этого последнего случая Диксон и резервирует более общий термин «complementation strategies». В последней главе рецензируемой книги предлагается де-

тальная типология выделенных явлений; большое внимание уделяется при этом семантике матричных предикатов и особенно соотношениям между семантикой матричного предиката и типом полипредикативной структуры. Эта глава является результатом переработки более ранней публикации [Dixon 2006].

Как уже было сказано, рецензируемая монография ориентирована на исследователей и «писателей грамматик» конкретных языков и мыслится, видимо, как настольная книга или путеводитель для таких читателей. В этом смысле стоит отметить ее довольно удобный «интерфейс» и наличие некоторых полезных вспомогательных частей. Так, например, в конце каждой из глав второго тома содержится небольшой (обычно около двух страниц) раздел, названный «What to investigate» («Что изучать»). В этих разделах на основе содержания соответствующей главы ставятся конкретные вопросы, подлежащие изучению в любом языке, для которого планируется грамматическое описание.

Также следует отметить, что, помимо ожидаемых указателей (предметного, указателя языков и авторов), в книге содержится «гlossарий» (при этом он дублируется в обоих томах) основных лингвистических терминов, используемых в книге (естественно, в авторском понимании, что во многом смягчает проблему не всегда привычного терминопотребления, обсуждавшуюся выше).

Наконец, стоит заметить, что автор в самом начале книги критикует распространенную в современной лингвистике тенденцию чрезмерного цитирования работ предшественников. По мнению Диксона, это часто затрудняет чтение и понижает качество работы, так как вырванные из контекста фрагменты текстов, характеризующихся неоднородным качеством и написанных с самых разных теоретических позиций, скорее сбивают читателя с толку, чем помогают в осмыслении содержания. Сам Диксон в своей книге эксплицитно придерживается противоположной установки: цитаты в основном тексте сведены к минимуму, обычно не приводятся даже отсылки к тем работам, из которых заимствуются примеры. Эта вспомогательная информация частично помещается в небольших по объему разделах, озаглавленных «Источники и примечания» и расположенных в конце глав. Каждый из этих разделов начинается с перечисления основных работ по той проблематике, которая обсуждается в соответствующей главе.

Думается, что для книги, которая отчасти должна выполнять роль учебника или практического руководства, сама по себе такая организация отсылок к существующей лите-

ратуре оправданна и соответствует имеющейся традиции. Здесь, однако, таятся две странности.

Первая состоит в том, что раздел рекомендованной литературы по затронутым темам обычно оказывается парадоксально мал, лишь в редких случаях насчитывая более 5–6 работ, из которых большую часть к тому же составляют работы самого Диксона или его ближайших коллег и соавторов. Очень часто из названных работ других авторов половина (а иногда и все они) сопровождается весьма критическими комментариями (говорится, что они являются «поверхностными», «неаккуратными» или «не вполне надежными» источниками информации по теме)². Такая картина еще раз заставляет усомниться в том, что рецензируемый труд отражает «базовую лингвистическую теорию» в том смысле, который Диксон вкладывает в это понятие в самом начале своей книги. Мы еще раз убеждаемся в том, что, скорее, мы имеем дело со стройной и могучей, но при этом очень «авторской» концепцией, которую сам Диксон по многим важным параметрам противопоставляет основной массе работ на те же темы. Если допустить, что в понятие ‘basic linguistic theory’ в какой-то мере вкладывался смысл «общепринятая лингвистическая теория», то сведение к минимуму информации о других работах предшественников и коллег выглядит не вполне объяснимо. Все же обычно базовое «введение» в любую область знания или практической деятельности ставит своей целью расширение горизонта читателя, а не его замыкание в рамках одной, пусть и чрезвычайно мощной, школы.

Вторая странность состоит в том, что далеко не всегда в рецензируемой книге можно отыскать отсылки к тем примерам и аналитическим решениям, которые отражены в основном тексте. Прежде всего, надо заметить, что Диксон эксплицитно пишет в самом начале, что там, где это только возможно, он использует примеры из тех языков, которыми занимался он сам (сюда можно добавить и те языки, которыми занималась А.Ю. Айхенвальд). Это в принципе понятное стремление: в конце концов, применительно к собственному анализу любой автор по крайней мере может быть

² Показательно в этом отношении, например, начало раздела с примечаниями к главе, посвященной связкам: здесь упоминается одна более ранняя работа самого Диксона на ту же тему, называется в одном предложении исследование, содержащее «много хорошей информации», а далее следует длинный абзац с критикой еще одного авторитетного исследования.

уверен в правильности своего понимания этого анализа (если не в истинности самих принятых решений). Однако в книге, разумеется, все же содержатся десятки обсуждений явлений, которые описывались другими лингвистами. И, думается, что хотя бы для реализации одного из основных принципов, заявленных в самом начале книги («всегда обращаться к первичному источнику»), читатель был бы вправе рассчитывать получить сведения о том, какая работа явилась источником этой информации (желательно с точным указанием страниц, на которых содержались приводимые примеры). Однако такая возможность предоставляется читателю далеко не всегда. Так, например, на стр. 167 (Т. 2) говорится, что в русском языке подлежащее связочной клаузы в утвердительных предложениях кодируется так же, как подлежащее клаузы с непереходным глаголом (S), но что при отрицании в некоторых типах связочных предложений оно получает генитивное маркирование (из контекста следует, что оно ведет себя тем самым не так, как S). У носителя русского языка сразу возникает недоумение: действительно, во-первых, скорее всего, могут иметься в виду конструкции типа *Кошки в комнате не было*. Но такие конструкции по критериям, предлагаемым выше самим Диксоном, как будто бы не должны были бы считаться связочными (связочные предложения с именным сказуемым, как известно, генитивизации подлежащего при отрицании не демонстрируют: ср. **Моего дедушки не было инженером*). Во-вторых, как раз подлежащие ряда конструкций с непереходными глаголами при отрицании получают генитивное маркирование (*писем не приходило*). Существенно здесь, однако, даже не то, что приведенный факт может оказаться неточным, а то, что у читателя не оказывается возможности узнать, откуда этот факт взят (указание на источник, возможно, сделало бы картину более понятной).

Склонность воздерживаться, насколько возможно, от прямого цитирования и указания источников, иногда смущает и в ситуациях, когда автор критически исследует альтернативные подходы к разбираемым структурам. Так, на стр. 388 (Т. 2) Диксон пишет, что «предлагалось, что “подъем” аргумента характеризует некоторые клаузы в английском языке; однако, это спорно». Далее рассматривается следующее предложение:

(3) *Mary persuaded John to hit Fred.*

По поводу этого примера убедительно показывается, что интерпретация в терминах подъема неудачна по ряду причин. Однако остается совершенно неизвестным, с кем именно в данном случае спорит Диксон; предлагал ли какой-нибудь автор анализ примера (3) в тер-

минах подъема, и если да, то на каких основаниях; думается, что большинство авторов, работающих в соответствующей понятийной системе (тех, кто признает существование конструкций «подъема» в английском языке), скорее анализировали бы именно этот пример в терминах «контроля». В итоге у читателя появляется ощущение, что в данном случае ведется спор с оппонентом, у которого нет ни только права слова (цитаты), но даже и имени. И победа в таком споре оставляет двойственное ощущение.

Рецензируемая книга, безусловно, будет полезна для очень широкого круга лингвистов. В основном она рассчитана на лингвистов, занимающихся или планирующих заниматься созданием грамматических описаний мало изученных языков, и именно для этой категории читателей будет представлять огромную ценность в качестве единого целого. Однако отдельные части этого масштабного труда будут важны и для других читателей-лингвистов. Действительно, следование методологическим рекомендациям, суммированным в первом томе, будет способствовать развитию способности грамотно собирать и анализировать почти любой языковой материал и, в конечном счете, созданию профессиональных, аккуратных и надежных исследований в разных областях лингвистики. Второй и третий тома ценны тем, что в них впервые сведены воедино теоретические взгляды Р. Диксона на грамматику естественного языка в целом, до сих пор находившие отражение лишь в статьях, монографиях и сборниках, посвященных отдельным грамматическим проблемам и категориям. Наконец, отдельные главы второго и третьего тома могут использоваться (наряду с другими источниками близкого жанра, например, главами из [Comrie 1981; Shopen 2007]) типологами и специалистами по отдельным языкам при работе над широким кругом теоретических проблем грамматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aikhenvald 2004 – A. Yu. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Aikhenvald et al. 2001 – A. Yu. Aikhenvald, R.M.W. Dixon, Masayuki Onishi (eds.). Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam, 2001.
- Bybee et al. 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.
- Comrie 1981 – B. Comrie. Language universals and linguistic typology. Chicago, 1981.
- Corbett, Fraser, McGlashan 1993 – G.G. Corbett, N.M. Fraser, S. McGlashan (eds.). Heads in grammatical theory. Cambridge, 1993.
- Dixon 1977 – R.M.W. Dixon. Where have all the adjectives gone? // *Studies in language*. 1. 1977.
- Dixon 1989 – R.M.W. Dixon. Subject and object in universal grammar // A. Doug, M. Atkinson, J. Durand, C. Grover, L. Sadler (eds.). *Essays on grammatical theory and universal grammar*. Oxford, 1989.
- Dixon 1994 – R.M.W. Dixon. Ergativity. Cambridge, 1994.
- Dixon 2002a – R.M.W. Dixon. Australian languages: their nature and development. Cambridge, 2002.
- Dixon 2002b – R.M.W. Dixon. Copula clauses in Australian languages: A typological perspective // *Anthropological linguistics*. 44. 2002.
- Dixon 2003 – R.M.W. Dixon. Demonstratives: A cross-linguistic typology // *Studies in language*. 27. 2003.
- Dixon 2004 – R.M.W. Dixon. Adjective classes in typological perspective // R.M.W. Dixon, A.Yu. Aikhenvald (eds.). *Adjective classes: A cross-linguistic typology*. Oxford, 2004.
- Dixon 2006 – R.M.W. Dixon. Complement clauses and complementation strategies in typological perspective // R.M.W. Dixon, A.Yu. Aikhenvald (eds.). *Complementation: A cross-linguistic typology*. Oxford, 2006.
- Dixon, Aikhenvald 2002 – R.M.W. Dixon, A.Yu. Aikhenvald (eds.). *Word: A cross-linguistic typology*. Cambridge, 2002.
- Haspelmath et al. 2005 – M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The world atlas of language structures*. Oxford, 2005.
- Koptjevskaja-Tamm 1993 – M. Koptjevskaja-Tamm. *Nominalizations*. London; New York, 1993.
- Shopen 2007 – T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. V. I–III. Cambridge, 2007.
- Zwicky 1985 – A.M. Zwicky. Heads // *Journal of linguistics*. 21. 1985.

C.C. Caŭ